

А. С. Пругавинъ.

ПРЕДПОЛАГАВШЕЕСЯ ЗАТОЧЕНІЕ

графа Льва Николаевича Толстого

въ Суздальскій монастырь.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

№ 699.

МОСКВА.—1908 г.

Типо-литографія „РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА“ печатнаго и издательскаго дѣла.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собств. д. Телефоны: 53.95 и 18.35.

Предполагавшееся заточеніе
графа Льва Николаевича Толстого
въ Суздальскій монастырь.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность опубликовать знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, писанное еще въ 1847 году, сдѣлался извѣстнымъ тотъ въ высшей степени рѣзкій отзывъ, который высказалъ въ этомъ письмѣ нашъ великій критикъ относительно характера православной церкви, а также объ ея отношеніяхъ къ свѣтской власти.

Рѣзкія, негодующія слова «неистоваго Виссаріона», къ сожалѣнію, довольно близки къ истинѣ и не только въ то далекое время, когда они были высказаны, но и въ ближайшіе къ намъ годы. Доказательствомъ этого можетъ служить и то направленіе нашей церковной жизни, которое она приняла въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ подъ вліяніемъ столь извѣстнаго всѣмъ К. П. Побѣдоносцева и его достойныхъ сподвижниковъ.

Политика церковнаго вѣдомства за послѣднюю четверть вѣка отличалась особенною безпощадностью по отношенію къ лицамъ, которыя подозрѣвались въ уклоненіи отъ православія. Всѣ эти лица обыкновенно зачислялись въ ряды сектантовъ и еретиковъ, и противъ нихъ немедленно же возбуждались разнаго рода преслѣдованія, включительно до административнаго заточенія въ монастырскія тюрьмы на цѣлые десятки лѣтъ.

Какъ извѣстно, въ число сектантовъ и еретиковъ у насъ попалъ и «великій писатель земли русской», — писатель, который, по всей справедливости, считается славой и гордостью Россіи. Это зачисленіе въ ряды еретиковъ гениальнѣйшаго писателя современной эпохи, такъ много сдѣлавшаго для развитія религіозной и этической мысли, какъ нельзя болѣе характерно для того направленія политики, которое получила наша церковная жизнь въ теченіе послѣдней четверти вѣка.

Вмѣсто того, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить поистинѣ огромныя заслуги Л. Н. Толстого въ области религіи и этики, православная церковь, въ лицѣ русскаго святѣйшаго синода, признала его ересіархомъ и — мало этого — нашла нужнымъ отлучить отъ церкви и предать анаѳемѣ.

Подобную мѣру по отношенію такого человѣка, какъ Л. Н. Толстой, нужно считать роковымъ шагомъ для русской православной церкви. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этого отлученія никогда не простятъ святѣйшему синоду ни русская интеллигенція, ни русскій народъ.

Народъ знаетъ Толстого не только какъ гениальнаго писателя, одареннаго божественнымъ даромъ читать въ сердцахъ людей, какъ въ раскрытой книгѣ, — онъ знаетъ его какъ человѣка, который всю свою долгую жизнь, всей своей кипучей дѣятельностью всегда служилъ на пользу народа, надъ удовлетвореніемъ его важнѣйшихъ духовныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ и потребностей.

Народъ не забудетъ всего того, что сдѣлалъ для него Толстой, помимо своихъ художественныхъ и философскихъ произведеній. Онъ не забудетъ его дѣятельности въ качествѣ мирового посредника перваго при-

зываетъ, его дѣятельности по устройству и веденію замѣчательной образцовой народной школы, его педагогической дѣятельности, его многолѣтнихъ хлопотъ по изданію и распространенію книгъ и картинъ для народа; наконецъ, не забудетъ его въ высшей степени энергичной и поистинѣ самоотверженной дѣятельности по борьбѣ съ голодовками, поражавшими народъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, по оказанію помощи голодающему крестьянству и т. д.

И вотъ, если для такого человѣка, для такого христіанина-подвижника, какъ Левъ Толстой, всю жизнь горѣвшаго любовью къ людямъ въ духѣ чистаго и высокаго христіанства, въ «лонѣ» православной церкви не оказалось мѣста, то отсюда ясно для всѣхъ и cadaго, во что обратилось наше казенное православіе подѣ влияніемъ и давленіемъ разныхъ изувѣровъ-фанатиковъ, съ К. П. Побѣдоносцевымъ во главѣ. Являясь въ теченіе цѣлой четверти вѣка полновластнымъ, хотя и совершенно самозваннымъ главой православной церкви, покойный Побѣдоносецъ больше всего, конечно, содѣйствовалъ обращенію этой церкви въ департаментъ государственной полиціи *).

Конечно, то направленіе, которое приняла литературная дѣятельность Л. Н. Толстого съ самаго начала 80-хъ годовъ, вызывала противъ него сильнѣйшее неудовольствіе и раздраженіе въ правительственныхъ сферахъ, — какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ. Постепенно это раздраженіе росло все болѣе и болѣе.

Необходимо помнить, что это происходило въ цар-

*) Подробнѣе объ этомъ мы имѣли случай говорить въ своихъ статьяхъ: „Видъ закона“, напечатанной въ приложеніи къ газетѣ „Освобожденіе“, издававшейся за границей П. Б. Струве, и въ статьѣ: „По поводу закона 17 апрѣля“ въ газетѣ „Право“, 1905 г. № 17.

ствование Александра III, когда реакція достигла своего апогея и когда главными руководителями и вдохновителями внутренней политики являлись, съ одной стороны, «жандармъ классицизма», графъ Д. А. Толстой, а съ другой — «жандармъ клерикализма» К. П. Побѣдоносцевъ.

II.

подавивъ съ помощью суровыхъ репрессій революціонное движеніе, жертвой котораго палъ Александръ II, правительство поставило себѣ цѣлью задавить въ народѣ и обществѣ всякое оппозиціонное настроеніе, всякія стремленія къ свободѣ и независимости.

Печать подвергалась систематическимъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, лучшіе журналы и газеты закрывались, постоянно издавались секретные циркуляры, воспрещавшіе касаться того или другого вопроса общественной жизни. Литераторы и сотрудники прогрессивныхъ органовъ печати состояли подъ тайнымъ надзоромъ полиціи и охраны. Университеты, институты, академіи то и дѣло закрывались, студенты сотнями исключались и отправлялись въ ссылку на крайній сѣверъ и въ Сибирь. Всѣ наиболѣе популярныя и талантливыя профессора лишались кафедръ «за политическую неблагонадежность». Неблагонадежными были объявлены и земство и судъ, дѣятельность которыхъ всячески стѣснялась администраціей. Права и полномочія этихъ учреждений постоянно и систематически урѣзывались разными ограничительными законоположеніями, а еще чаще — просто циркулярами того или другого министра.

Особенно строгимъ преслѣдованіямъ подвергался такъ называемый «третій элементъ», т. е. трудовая интел-

лигенція: врачи, учителя, учительницы, статистики и т. д., т.-е. тѣ именно лица, дѣятельностью которыхъ главнымъ образомъ создана была земская народная школа и земская медицина.

Крестьянство было отдано во власть земскихъ начальниковъ, назначавшихся изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, большею частью грубыхъ и невѣжественныхъ. Облеченные огромною властью, эти господа съ помощью пресловутой 21 статьи «Положенія о земскихъ начальникахъ», съ помощью арестовъ, розогъ и порки не на шутку мечтали вернуть, насколько возможно, блаженные времена крѣпостного права.

Князь Мещерскій съ пѣной у рта доказывалъ въ своемъ «Гражданинѣ» необходимость во что бы то ни стало «подтянуть» мужика посредствомъ усиленія «твердой власти», доказывалъ благотѣльное вліяніе розогъ и порки для народа и вдохновлялъ земскихъ начальниковъ на проведеніе чисто крѣпостнической политики.

Разоренный, обобранный народъ постепенно доводится до отчаянія нищетой, полнымъ безправіемъ, жестокой эксплуатаціей помѣщиковъ и кулаковъ и грубымъ произволомъ ближайшихъ властей.

Въ это мрачное время, время зловѣщей общественной тишины, когда казалось, все живое и протестующее было задавлено, какъ колоколь раздавался одинокій, но могучій голосъ Льва Толстого, который громко и смѣло возставалъ противъ несправедливостей современнаго соціального строя, противъ той роли, которую играли видные представители господствующей «казенной» церкви, всегда покрывающіе своимъ авторитетомъ всѣ эти несправедливости.

Исходя изъ чисто религіозныхъ началъ, Левъ Толстой подвергалъ безпощадной критикѣ главнѣйшіе основные устои, на которыхъ зиждется современное государство вообще и Россійское въ частности, разоблачалъ тотъ религіозный обманъ, который возведенъ въ систему православнымъ духовенствомъ, всегда раболѣпствовавшимъ передъ силой и властью. И въ художественныхъ и публицистическихъ произведеніяхъ Толстой горячо возставалъ противъ угнетенія и эксплуатаціи народныхъ трудящихся массъ со стороны сильныхъ, властныхъ и богатыхъ, противъ всякаго рода насилій, противъ войны, казней, податей, тюремъ, розогъ и т. д.

Этого, разумѣется, не могли простить Толстому «предержащія власти», какъ свѣтскія, такъ и духовныя. И вотъ противъ великаго писателя предпринимается цѣлый походъ: его сочиненія строжайше запрещаются и преслѣдуются, распространители этихъ сочиненій подвергаются арестамъ и ссылкѣ, реакціонные органы печати начинаютъ озлобленно и систематически травить его, архіереи, священники, миссіонеры громятъ его съ церковныхъ кафедръ, обзывая еретикомъ, ересіархомъ, безбожникомъ, бунтовщикомъ, антихристомъ и т. д.

Но—увы!—всѣ эти «мѣры» отнюдь не достигали цѣли: популярность Толстого росла все болѣе и болѣе, каждое его новое произведеніе немедленно же распространялось въ нелегальныхъ изданіяхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.

И вотъ руководители нашей внутренней политики пришли къ мысли о необходимости... заточить Толстого въ Суздальскую крѣпость, находящуюся въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ, чтобы разъ навсегда лишить его

возможности продолжать свою литературную дѣятельность, столь вредную и опасную для церкви и государства.

III.

Смутные слухи о томъ, что Льву Толстому грозитъ монастырское заточеніе, проникали отъ времени до времени въ общество, вызывая, конечно, тревогу и негодованіе. Однако, долгое время ничего опредѣленнаго не было извѣстно. Только въ 1905 году въ одномъ петербургскомъ журналѣ появилась статья, сообщающая нѣкоторыя фактическія данныя, касающіяся чисто адскаго замысла русской бюрократіи засадить геніальнаго писателя въ Суздальскій монастырь.

Мы говоримъ о статьѣ г. Захарьина, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1905 годъ. Статья основана на разсказахъ бывшей камеръ-фрейлины высочайшаго двора А. А. Толстой, умершей въ Петербургѣ въ 1903 году.

Пользуясь этой статьей, мы приведемъ здѣсь разсказъ графини А. А. Толстой о томъ, какъ знаменитый «жандармъ классицизма», министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, замышлялъ заточить въ монастырь «великаго писателя Русской земли». А затѣмъ укажемъ тѣ недоумѣнія, которыя неволью вызываются указанной нами статьей и разъясненіе которыхъ было бы весьма желательно.

Графиня Александра Андреевна Толстая приходилась родной теткой Льва Николаевича. Родившись въ 1817 году, она съ 1846 года находилась всегда при дворѣ въ качествѣ фрейлины, а затѣмъ камеръ-фрейлины. Графиня Толстая знала государя Александра Александровича еще во время его дѣтства; впоследствии, состоя

наставницей-воспитательницей его сестры, великой княжны Маріи Александровны, она имѣла возможность знать покойнаго государя очень близко.

Благодаря этой близости, графиня имѣла возможность оказать важныя и серьезныя услуги своему племяннику Льву Николаевичу, котораго она очень любила и художественный талантъ котораго она высока цѣнила. Но само собою понятно, что она отнюдь не раздѣляла его религіозныхъ и социальныхъ воззрѣній, которыя всегда были ей совершенно чужды.

По мнѣнію графини Александры Андреевны Толстой, тучи, которыя скопились въ то время—когда именно, мы скажемъ въ слѣдующей главѣ—надъ головой Льва Николаевича, были вызваны газетными нападками на него, газетной травлей московскихъ журналистовъ. Какихъ именно—не трудно, конечно, догадаться.

«По-моему,—писала графиня,—нѣтъ ничего гаже и печальнѣе, какъ журнальная война. Въ Москвѣ вдругъ зашевелилось цѣлое полчище этихъ подпольныхъ крысъ, которыя силились во что бы то ни стало очернить Льва Николаевича не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, выбрасывая на свѣтъ Божій изъ своей крысиной норы давно забытые литературные его грѣхи, ими же когда-то обглоданные,—т.-е. то, что всякій авторъ и поэтъ позволяетъ себѣ тайкомъ (?), въ своей молодости, *en guise d'airs de bravoure*.

«Затѣмъ, самое худшее разразилось изъ чистой неосторожности Льва Николаевича, который, пренебрегая мнѣніемъ общимъ и, главное, цензурнымъ, допустилъ одного англійскаго журналиста унести съ собою—конечно, не для печати—статью антиправительственную; этотъ же сынъ *de la perfide Albion* немедленно на-

печаталъ ее въ своей газетѣ, съ заявленіемъ, что Левъ Николаевичъ далъ ему на то разрѣшеніе».

«Можно себѣ представить, — продолжаетъ графиня Александра Андреевна, — съ какой демонской радостью московскія крысы ухватились за эту статью, цитируя ее въ своихъ «Вѣдомостяхъ» съ своими, конечно, комментаріями и придавая мыслямъ автора совершенно другой и, разумѣется, еще болѣе худшій смыслъ... Не берусь описывать, какой переполохъ послѣдовалъ по всей Европѣ изъ-за этой статьи, и сколько было придумано московскими журналистами наказаній бѣдному Льву Николаевичу; ему предсказывали Сибирь, крѣпость, изгнаніе изъ Россіи, чуть ли даже не висѣлицу...

«Иностранныя газеты, по обыкновенію, переполнились подробностями этого инцидента — и въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ я безпрестанно получала отовсюду, не исключая Америки, письма съ просьбой увѣдомить ихъ, къ чему именно приговоренъ извѣстный писатель, мой родственникъ?..

«Въ это время до меня стали доходить петербургскіе слухи, что министръ внутреннихъ дѣлъ, *графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой*, по наущенію московскихъ публицистовъ, проектируетъ для Льва Николаевича заточеніе въ Суздальскій монастырь, безъ права писать; то-есть ему стали бы отпускать бумагу въ ограниченномъ размѣрѣ, при томъ непремѣнномъ условіи, что новое количество онъ будетъ получать лишь по возвращеніи (исписаннымъ) того, что было отпущено ему ранѣе».

Пораженная, потрясенная подобными зловѣщими слухами и толками, графиня Александра Андреевна рѣшаетъ ѣхать сама къ министру, чтобы лично отъ него узнать все.

«Я застала его дома, — рассказывает графиня, — в большом, повидимому, недоумѣнии. Такимъ, по крайней мѣрѣ, недоумѣвающимъ онъ мнѣ представился.

— «Право, не знаю, на что рѣшиться, — сказалъ графъ Д. А. Толстой Александръ Андреевичъ. — Прочтите вотъ всѣ эти доносы на Льва Толстого... Первые, полученные мною, я положилъ подъ сукно; но не могу же я всю эту исторію скрывать отъ государя...

— «Разумѣется, нѣтъ, — отвѣчала графиня, — но вы должны знать, что государь очень любитъ Льва *et probablement que cela adoucira ses impressions...*

«И вотъ, — говоритъ графиня, — когда я узнала и увидала, какой опасности можетъ подвергнуться Левъ Николаевичъ отъ доклада Дмитрія Андреевича государю и что этотъ докладъ будетъ сдѣланъ на-дняхъ, я рѣшила употребить все свое вліяніе, чтобы его спасти. Я написала государю, что мнѣ очень нужно его видѣть, и просила назначить мнѣ для этого время. Представьте мою радость, когда я вдругъ получила отвѣтъ, что въ тотъ же день государь зайдетъ ко мнѣ самъ.

«Я была сильно взволнована, ожидая его посѣщенія, и мысленно просила Бога помочь мнѣ. Наконецъ, государь вошелъ. Я замѣтила, что лицо его утомлено и онъ былъ чѣмъ-то разстроены. Но это не измѣнило моего намѣренія и лишь придало мнѣ большую рѣшимость. На вопросъ государя, что имѣю сказать ему, я отвѣчала прямо:

— «На-дняхъ вамъ будетъ сдѣланъ докладъ о заточеніи въ монастырь самаго гениальнаго человѣка въ Россіи.

«Лицо государя мгновенно измѣнилось: оно стало строгимъ и глубоко опечаленнымъ.

— «Толстого?—коротко спросилъ онъ.

— «Вы угадали, государь, —отвѣчала я.

— «Значить, онъ замышляетъ на мою жизнь?—спросилъ государь.

«Я изумилась, но внутренно была обрадована: я подумала, что только *одно это* (преступленіе) могло бы склонить государя къ утверженію доклада Дмитрія Андреевича.

«Я рассказала государю подробно все, что узнала отъ Дмитрія Андреевича о винѣ Льва, и видѣла, къ величайшей моей радости, что его лицо принимало все болѣе и болѣе свое обычное, кроткое и чрезвычайно ласковое выраженіе. Вскорѣ же государь всталъ, чтобы уйти. Я позволила себѣ при прощаніи сказать лишь одно, — что *не на графа Дмитрія Андреевича*, конечно, обрушится всеобщее, въ Россіи и за границей, негодованіе въ случаѣ утвержденія его доклада.

«Черезъ два дня я узнала, что государь превзошелъ всѣ мои ожиданія, и его доброта и мудрость разрѣшили вопросъ совершенно инымъ образомъ. Прослушавъ докладъ Дмитрія Андреевича о случившемся и о сильномъ будто бы возбужденіи публики, государь, отклоняя отъ себя докладъ, отвѣтилъ буквально слѣдующее:

— «Прошу васъ Толстого не трогать. Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить на себя всеобщее негодованіе. Если онъ виноватъ, тѣмъ хуже для него.

«Я узнала тогда же, что Дмитрій Андреевичъ вернулся изъ Гатчины, изображая изъ себя, по его словамъ, «вполнѣ счастливаго человѣка», такъ какъ въ случаѣ утвержденія его доклада и на него, конечно,

пало бы не мало нареканій. Онъ это хорошо понималъ и довольно искусно входилъ въ роль «счастливаго»...

IV.

Таковъ разсказъ Фрейлины А. А. Толстой, видимо пользовавшейся особымъ уваженіемъ императора Александра III. Такимъ образомъ разсказъ этотъ вполне подтверждаетъ справедливость тѣхъ слуховъ, которые долгое время ходили въ обществѣ относительно замысловъ нашей бюрократіи заткнуть горло Толстому посредствомъ заточенія его въ монастырскій казематъ.

Судя по этому разсказу, инициаторомъ проекта заключенія Льва Толстого въ монастырь является министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ «по наущенію московскихъ публицистовъ». Насколько это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Было бы весьма желательно, если бы лица, располагающія болѣе подробными свѣдѣніями объ этой характерной и поучительной исторіи, подѣлились ими въ печати *)).

Съ своей стороны, мы не можемъ не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ народная молва инициативу въ дѣлѣ предполагавшагося заточенія Толстого въ монастырь приписывала другому лицу, другому представителю высшей бюрократіи, а именно бывшему оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву. Но опять-таки за точность этихъ слуховъ и толковъ поручиться, разумѣется, невозможно, хотя враж-

*) Лицъ, которыя пожелаали бы подѣлиться своими свѣдѣніями по этому поводу съ авторомъ настоящаго очерка, онъ проситъ обращаться къ нему по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Введенская, 17, Александру Степановичу Пругавину.

дебное отношеніе покойнаго Побѣдоносцева къ Л. Н. Толстому едва ли можетъ подлежать какому-нибудь сомнѣнію. Извѣстно, какую важную, рѣшающую роль сыгралъ бывшій въ то время всесильнымъ оберъ-прокуроръ синода въ дѣлѣ отлученія Толстого отъ церкви. Не даромъ одно время, лѣтъ 5—6 тому назадъ, у насъ въ обществѣ были сильно распространены извѣстныя фотографіи, изображавшія «Сонъ К. П. Побѣдоносцева». На этихъ фотографіяхъ Л. Н. Толстой изображался привязаннымъ къ столбу, надъ пылающимъ костромъ, вокругъ котораго стояли члены св. синода во главѣ съ своимъ знаменитымъ оберъ-прокуроромъ, облеченнымъ въ костюмъ испанскаго инквизитора.

Конечно, весьма важнымъ и существеннымъ является вопросъ, къ какому именно году относится только-что описанная попытка министра графа Толстого запереть въ монастырскую тюрьму своего знаменитаго однофамильца?

Къ сожалѣнію, въ разсказѣ А. А. Толстой не указывается точно годъ, когда все это происходило. Г-нь же Захарьинъ относитъ это происшествіе къ 1886 году. Но устанавливаемая имъ дата противорѣчитъ разсказу графини Толстой.

Дѣло въ томъ, что въ разсказѣ графини весьма опредѣленно намекается на извѣстную исторію съ письмомъ Л. Н. Толстого, опубликованнымъ въ англійскихъ газетахъ корреспондентомъ «Daily Telegraph», г. Диллономъ. По мнѣнію графини, эта именно исторія и послужила главной причиной, вслѣдствіе которой министр Толстой счелъ необходимымъ сдѣлать докладъ государю о заточеніи Льва Николаевича въ Суздальскій монастырь.

Насколько намъ извѣстно, исторія съ письмомъ

Толстого, опубликованнымъ «Daily Telegraph», имѣла мѣсто не въ 1886 году, а значительно позднѣе, именно въ началѣ 1892 года. Тогда же «Московскія Вѣдомости», перепечатавъ у себя это письмо *), особенно рѣзко и грубо громили нашего знаменитаго писателя. Но въ 1892 году министра Толстого не было уже въ живыхъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1889 году и, слѣдовательно, въ 1892 году онъ никакъ не могъ дѣлать докладъ государю о заточеніи Льва Николаевича въ монастырь.

Такимъ образомъ, ясно, что тутъ кѣмъ-то допущена грубая ошибка: или г. Захарьинъ ошибается, утверждая, что именно въ 1886 году правительство намѣревалось заточить Льва Николаевича въ Суздальскій монастырь, или же графиня Александра Андреевна спутала хронологію событій и невѣрно объясняетъ тѣ ближайшія причины, которыя послужили поводомъ для министра внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстого возбудить вопросъ о заточеніи Льва Николаевича.

Впрочемъ, можно сдѣлать еще одно предположеніе, а именно, что вопросъ о ссылкѣ Л. Н. Толстого въ монастырь *дважды* возникалъ въ правительственныхъ сферахъ, а именно: первый разъ—въ 1886 году, а второй разъ—въ 1892 году. Въ такомъ предположеніи не будетъ ничего неправдоподобнаго, тѣмъ болѣе, что и слухи, которые ходили въ обществѣ по этому поводу, точно также утверждали, что Александру III-му *два раза* представлялся докладъ о необходимости заточенія Льва Толстого въ Суздальскій монастырь и что одинъ изъ этихъ докладовъ былъ сдѣланъ К. П. Побѣдоносцевымъ.

По всей вѣроятности, всѣ эти недоразумѣнія можно

*) Письмо Л. Н. Толстого было озаглавлено: „Отчего голодаютъ русскіе крестьяне?“

было бы разрѣшить съ помощью подлинныхъ записокъ графини Ал. Анд. Толстой, тѣмъ болѣе, что изъ статьи г. Якунина видно, что сообщеніе его основано, главнымъ образомъ, на ея личныхъ разсказахъ, а не на запискахъ. Въ разсказахъ же она легко могла, конечно, допустить разныя неточности, точно также какъ и г. Якуницъ при передачѣ словъ покойной графини, въ свою очередь, могъ впасть въ ошибку.

Въ виду того, что записки Ал. Анд. Толстой находятся въ настоящее время въ Академіи Наукъ, пишущій эти строки хотѣлъ лично ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Къ сожалѣнію, это оказалось невозможнымъ по слѣдующей причинѣ. Пользованіе записками графини Толстой допускается не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія ея наслѣдницы, г-жи З—чь. Но г-жа З—чь, — какъ меня увѣрили въ Академіи Наукъ, — самымъ категоричнымъ образомъ отказываетъ всѣмъ въ своемъ разрѣшеніи, вѣроятно, опасаясь обезцѣнить эти записки, подлежащія опубликованію съ благотворительной цѣлью. Изданіе же записокъ можетъ состояться лишь послѣ смерти Л. Н. Толстого. Такова была воля покойной графини, которая, разумѣется, обязательна для Академіи.

Какъ бы то ни было, но теперь не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что знаменитѣйшему писателю современной эпохи грозило ужасное, чисто средневѣковое наказаніе, которое если и миновало его, то, быть-можетъ, только потому, что у него оказалась... вліятельная тетушка при императорскомъ дворѣ.

И не будь у Толстого такой тетушки, которая могла бы замолвить за него слово государю, — какъ знать, — можетъ-быть, великому писателю пришлось бы

гнить въ сыромъ и смрадномъ казематѣ монастырской тюрьмы, подобно многимъ другимъ, попадавшимъ въ эти тюрьмы нерѣдко совершенно безъ всякой вины *).

Въ началѣ царствованія Александра III, какъ извѣстно, состоялось освобожденіе нѣсколькихъ лицъ, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ томились въ монастырскихъ тюрьмахъ. Обстоятельство это возбудило въ то время преувеличенныя надежды: многіе рассчитывали на скорое и окончательное упраздненіе монастырскихъ заточеній. Надеждамъ этимъ не суждено было сбыться, такъ какъ съ теченіемъ времени, быть-можетъ, подъ вліяніемъ все того же «злого генія Россіи», имя котораго мы не разъ называли въ этомъ очеркѣ, случаи ссылки и заточенія въ монастыри начинаютъ повторяться все чаще и чаще.

Между прочимъ, одно время предполагалось заключить въ монастырь извѣстную писательницу М. К. Цебрикову за ея «открытое письмо къ императору Александру III-му». По словамъ почтенной писательницы, въ комиссію, разбиравшую ея дѣло, послѣдовалъ запросъ: нельзя ли ее, т.-е. г-жу Цебрикову, «запереть въ монастырь»? Однако «въ концѣ XIX вѣка эта карательная мѣра московскихъ царей противъ строптивыхъ была признана невозможной» **).

У.

Такъ какъ, по свидѣтельству графини Толстой, злостныя нападки «Московскихъ Вѣдомостей» послужили ближайшимъ поводомъ для бюрократіи возбудить во-

*) См., напримѣръ, нашу брошюру: «Воиющее дѣло», изданную въ Москвѣ въ 1906 году бібліотекой «Свободная Россія».

**) М. К. Цебрикова: «Письмо къ Александру III», СПБ., 1906 г. Изданіе «Свѣточа», стр. 45.

прось о заточеніи геніальнаго писателя, то мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь извлеченіе изъ статьи этой газеты, напечатанной въ № 22 за 1892 г., по поводу письма Толстого въ «Daily Telegraph».

Приведя рядъ отрывковъ изъ письма Льва Николаевича, напечатаннаго «Daily Telegraph», «Московскія Вѣдомости» съ негодованіемъ обрушиваются на него.

«Письма графа Толстого, — заявляетъ реакціонная газета, — не нуждаются въ комментаріяхъ: они являются открытою пропагандою къ ниспроверженію всего существующаго во всемъ мірѣ социальнаго и экономическаго строя, который съ весьма понятною цѣлью приписывается графомъ одной только Россіи. Пропаганда графа есть пропаганда самаго крайняго, самаго разнузданнаго социализма, предъ которымъ блѣднѣетъ даже наша подпольная пропаганда».

При этомъ, очевидно, желая подкрѣпить свои инсинуации, «Московскія Вѣдомости» сопоставляютъ письмо графа Толстого съ «подпольными» прокламаціями. «На дняхъ, — говорятъ онѣ, — намъ прислали по почтѣ одинъ изъ подпольныхъ печатныхъ мерзкихъ листковъ, въ которомъ такъ же, какъ и у графа Толстого, говорится, что «спасеніе Русской земли въ ней самой, а не въ министрахъ, генераль-губернаторахъ и губернаторахъ, которые привели Россію къ самому краю пропасти». Въ этомъ листкѣ высказывается также нелѣпая мысль, будто «правительство довело Россію до голода», какъ и у графа Толстого *), который, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ подпольными агитаторами. тѣмъ не

*) Вдохновители «Московскихъ Вѣдомостей», очевидно, никакъ не ожидали, что эти самыя, приведшія ихъ въ ужасъ и трепеть, мысли чрезъ какія-нибудь 13—14 лѣтъ будутъ исповѣдываться всей мыслящей Россіей и даже сдѣлаются общимъ мѣстомъ.

менѣе тоже твердить, что правительство является «паразитомъ народа», высасывающимъ его соки ради собственнаго удовольствія».

Но хотя графъ Толстой и «не имѣетъ ничего общаго съ подпольными агитаторами», однако, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», его литературная дѣятельность является неизмѣримо болѣе вредной и болѣе опасной, чѣмъ дѣятельность «подпольныхъ агитаторовъ», и именно вотъ почему.

«Подпольные агитаторы стремятся къ мятежу, выставляя въ видѣ приманки «конституцію», какъ средство къ тому хаосу, о которомъ они мечтаютъ, а графъ открыто проповѣдуетъ программу *соціальной* *) революціи, повторяя за западными соціалистами избитыя, нелѣпыя, но всегда дѣйствующія на невѣжественную массу фразы о томъ, какъ «богачи пьютъ кровь народа, пожирая все, что народъ имѣетъ и производитъ».

И вотъ, обративъ «подпольныхъ агитаторовъ» въ конституціоналистовъ, а графа Толстого въ соціалъ-революціонера, «Московскія Вѣдомости» такъ заканчиваютъ свою грозную филиппику: «Можемъ ли *мы* (??) оставаться равнодушными при подобной пропагандѣ, которую могутъ не замѣчать развѣ только люди совершенно слѣпые или *не желающіе* (курсивъ подлинника) видѣть?»

Интимная близость «Московскихъ Вѣдомостей» къ законамъ нашей внутренней политики того времени— фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Если мы напомнимъ, что въ числѣ сотрудниковъ и вдохновителей этой газеты значились такія особы, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, то этимъ, надѣмся, многое уяснится въ

*) Курсивъ подлинника.

темной исторіи, послужившей темой для этого очерка...

Въ одной изъ своихъ предыдущихъ работъ *) я указалъ, что великому нашему поэту, «солнцу русской поэзіи», А. С. Пушкину; одно время угрожало заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Но это было въ 1820 году, — въ мрачную, мертвую эпоху, когда на Руси царилъ всесильный Аракчеевъ:

„Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Неистовый тиранъ родной страны своей“.

Говоря словами Рылѣева, отъ этого «злодѣя» можно было, конечно, ожидать всего. Это было время, когда, по выраженію Герцена, въ воздухѣ «крѣпко пахло застѣнкомъ и казармами».

Съ тѣхъ поръ прошло чуть не цѣлое столѣтіе. Много воды утекло за эти 70 лѣтъ, многое измѣнилось. Но русская бюрократія и въ концѣ XIX вѣка осталась тѣмъ же, чѣмъ была въ началѣ столѣтія. И когда на горизонтѣ русской общественной жизни снова появился яркій, могучій художникъ слова, гений котораго признается всѣмъ культурнымъ міромъ, — русская бюрократія рѣшила, что она исполнить свой нравственный долгъ, если запретъ этотъ гений въ монастырскую тюрьму.

Попытка русскихъ бюрократовъ заточить въ монастырскій казематъ величайшаго писателя современной эпохи является, безъ сомнѣнія, лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени можетъ дойти наглость и разнузданность этихъ господъ...

С.-Петербургъ.
12 іюня 1906 года.

А. Пругавинъ.

*) «Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ септантствомъ». Москва, 1906 г. Второе дополненное изданіе «Посредника».

П. БИРЮКОВЪ.

Левъ Николаевичъ Толстой.

БІОГРАФІЯ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

По неизданнымъ матеріаламъ.

ТОМЪ I (1828—1862). Съ 29 иллюстраціями. 477 стр.
Ц. 2 руб.

Въ этотъ томъ вошли неизданныя письма и воспоминанія Л. Н. Толстого.

Содержаніе перваго тома: Введеніе. Введеніе Л. Н. Толстого къ своимъ воспоминаніямъ.—Часть I. Происхожденіе Л. Н. Толстого: Предки со стороны отца. Предки со стороны матери. Родители Л. Н. Толстого.—Часть II. Дѣтство, отрочество и юность (1828—1850). Дѣтство. Ясная Поляна. Первые воспоминанія. Прислуга. Братъ Николаенка. Отрочество. Переѣздъ въ Москву. Внутреннее развитіе и характеръ Л. Н. въ отрочествѣ. Юность. Казанскій университетъ. Братъ Дмитрій. Начало хозяйства въ деревнѣ. Петербургъ и Москва.—Часть III. Военная служба (1851—1856). Кавказъ. Письма Некрасова. „Дѣтство“. Дунай и Севастополь. 4-й бастионъ. „Севастопольскіе рассказы“. Петербургъ. Ясная Поляна. Романъ.—Часть IV. Литературная и общественная дѣятельность (1857—1862). Первое заграничное путешествіе. Смерть брата. Толстой и Тургеневъ. Педагогическая дѣятельность Л. Н.—ча Толстого. Теорія. Устройство и практика Яснополянской школы. Женитьба. Краткій обзоръ произведеній.

ТОМЪ II (1862—1885). Съ иллюстраціями.

Содержаніе (вкратцѣ): „Война и миръ“, „Анна Каренина“, Педагогическіе опыты, Самарскій голодъ, духовный кризисъ, обновленная жизнь, событіе перваго марта 1881 г. и пр.
(Печатается).

ТОМЪ III и послѣдній готовится къ печати.

Всѣ тома „Біографіи Л. Н. Толстого“ можно будетъ получить въ изящныхъ переплетахъ.

Сочиненія Л. Н. ТОЛСТОГО

въ изданіи „ПОСРЕДНИКА“.

- Исповѣдь. На бумагѣ Верже ц. 40 к. То же на простой бумагѣ ц. 20 к.
- Въ чемъ моя вѣра? На бумагѣ Верже ц. 60 к. На простой бумагѣ ц. 40 к.
- Братское изложение Евангелія, ц. 15 к.
- I. Жизнь и ученіе Иисуса. II. Какъ читать Евангеліе, ц. 5 к.
- Такъ что же намъ дѣлать? На бумагѣ Верже ц. 1 р. На простой бум. ц. 60 к.
- I. О жизни. II. О новомъ жизненномъ пониманіи. На бумагѣ Верже ц. 50 к. На простой бумагѣ ц. 35 к.
- О значеніи русской революціи, ц. 15 к.
- Мысли о Богѣ, ц. 3 к.
- Для чего мы живемъ? (О смыслѣ жизни) ц. 10 к.
- О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ, ц. 2 к.
- Въ чемъ счастье? ц. 4 к.
- I. О самосовершенствованіи. II. О сознаніи духовнаго начала, ц. 3 к.
- I. Противъ толстовства. II. О толстовскомъ обществѣ.
- III. Мысли о магометанствѣ, буддизмѣ и христіанствѣ. IV. О вѣрѣ и невѣріи. ц. 3 к.
- Вѣрьте себѣ, ц. 4 к.
- Письмо къ китайцу, ц. 15 к.
- О Шекспирѣ, ц. 20 к.
- Для чего люди одурманиваются? ц. 3 к.
- О половомъ вопросѣ, ц. 15 к.
- Голодъ, ц. 10 к.
- Земля и трудъ, ц. 10 к.
- Единственно возможное рѣшеніе земельного вопроса, ц. 3 к.
- Великій грѣхъ, ц. 3 к.
- Неужели такъ надо? ц. 2 к.
- Будда, ц. 2 к.
- Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Недавно открытое сочиненіе времени апостоловъ. Переводъ съ греческаго и введеніе Л. Н. Толстого, ц. 5 к.
- Мысли мудрыхъ людей на каждый день. Составлено Л. Н. Толстымъ, ц. 80 к.
- То же въ отрывномъ видѣ, ц. 85 к.
- Афоризмы и избранныя мысли Л. Н. Толстого, собранныя Л. Нивифоровымъ. В. I, ц. 30 к.
-

Сочиненія Л. Н. ТОЛСТОГО

въ изданіи „ПОСРЕДНИКА“.

1. Ассирійскій царь Ассархадонъ. 2. Три вопроса. Двѣ сказки, ц. 1¹/₂ к. Изданіе на лучш. бумагѣ, съ иллюстраціями Н. И. Живаго, ц. 20 к.
- Богъ одинъ у всѣхъ. (Суратская кофейня), ц. 1¹/₂ к.
- Божеское и человѣческое. Повѣсть изъ временъ революціонныхъ движеній, ц. 20 к.
- Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ, ц. 1¹/₂ к.
- Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, ц. 1¹/₂ к.
- Два старика, ц. 1¹/₂ к.
- Дорого стоитъ. По Мопаассану, ц. 1¹/₂ к. На хорошей бумагѣ ц. 3 к.
- За что? Разсказъ изъ временъ польскаго возстанія, ц. 3 к. На хорошей бумагѣ ц. 8 к.
1. Зерно съ куриное яйцо.
2. Какъ чортъ вражшгу выкупалъ. 3. Два брата и золото, ц. 1¹/₂ к.
- Кавказскій пѣвникъ, цѣна 1¹/₂ к.
- Корней Васильевъ, ц. 6 к. На лучшей бумагѣ ц. 10 к.
- Крестникъ, ц. 1¹/₂ к.
- Много ли человѣку земли нужно? Сказка, ц. 1¹/₂ к.
- Молитва, ц. 3 к. На лучшей бумагѣ ц. 5 к.
- Осада Севастополя, ц. 3 к.
- Работникъ Емельянь и пустой барабанъ, ц. 1¹/₂ к. На лучшей бумагѣ, ц. 3 к.
- Свѣчка, ц. 1¹/₂ к. То же. Улучшенное изданіе ц. 3 к.
- Сестры (Франсуаза). По Мопаассану. ц. 1¹/₂ к.
- Сказка объ Иванѣ дуракѣ, ц. 1¹/₂ к.
- Смерть Ивана Ильича. Повѣсть, ц. 7 к.
- Три смерти, ц. 1¹/₂ к.
1. Три старца. 2. Кающійся грѣшникъ, ц. 1¹/₂ к. На лучшей бумагѣ ц. 3 к.
- Трудъ, смерть и болѣзнь и другія сказанія ц. 1¹/₂ к. На лучшей бум. ц. 3 к.
- Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ. Повѣсть, ц. 4 к. На лучшей бум. ц. 10 к.
- Упустишь огонь — не потушишь, ц. 1¹/₂ к.
- Чѣмъ люди живы, ц. 1¹/₂ к.
- Хозяинъ и работникъ, ц. 3 к.
- Ягоды, ц. 6 к. На лучшей бумагѣ ц. 10 к.
1. Это ты. 2. Карма, ц. 3 к. На лучшей бумагѣ ц. 5 к.